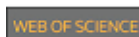

Полынов М. Ф. Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и Советского государства (1984—1985 годы) / М. Ф. Полынов // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 448—465. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-448-465.

Polynov, M. F. (2020). Konstantin Ustinovich Chernenko as the Leader of the CPSU and the Soviet Union (1984—1985). *Nauchnyi dialog*, 11: 448–465. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-448-465. (In Russ.).

УДК 929Черненко+94(47)“1984/1985”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-448-465

КОНСТАНТИН УСТИНОВИЧ ЧЕРНЕНКО КАК ЛИДЕР КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1984—1985 ГОДЫ)

© **Полынов Матвей Федорович (2020)**, orcid.org/0000-0002-6842-8930, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), m.polynov@spbu.ru.

Анализируется деятельность Константина Устиновича Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Автор раскрывает объективные и субъективные факторы, повлиявшие на его приход к власти. Актуальность исследования обусловлена необходимостью получения объективного знания и представления о содержании внутренней политики Черненко на высшем посту в партии. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа разных исторических источников освещается вопрос о том, на каких направлениях политики КПСС было сосредоточено внимание Черненко на посту Генсека в течение 13 месяцев. Утверждается, что Черненко оставил заметный след в политике, несмотря на то, что он не смог предложить политику, которую можно было идентифицировать с его именем и определить как «политику Черненко». Доказано, что он в целом продолжал политику, проводимую Андроповым, и не стремился «заморозить» проводившиеся преобразования. Показано, что у него существовало отчетливое понимание необходимости реформирования не только экономики, но и некоторых сфер общества, особенно образования. Подчеркивается, что он также ставил вопрос о необходимости повышения роли Советов. Показано, что в высшем руководстве СССР Черненко воспринимали как временного лидера, что обостряло борьбу за власть внутри Политбюро.

Ключевые слова: СССР; КПСС; Генеральный секретарь ЦК КПСС; К. У. Черненко; Ю. В. Андропов; М. С. Горбачев; Г. В. Романов.

1. Введение

До прихода к вершинам власти К. У. Черненко не был самым известным и авторитетным человеком ни в партии, ни в стране. Анализ предшествующей его деятельности показывает, что он никогда не занимал крупных хозяйственных должностей и не был руководителем обкома или крайкома. Его довоенная деятельность была связана с комсомольской и партийной работой в Красноярском крае. В послевоенный период он находился на различных партийных должностях, занимался в основном вопросами идеологической и пропагандистской деятельности партии (в 1945—1948 годах — секретарь Пензенского обкома ВКП(б) по идеологии; в 1949—1955 — заведующий от-

делом пропаганды и агитации ЦК компартии Молдавии). В 1956 году по рекомендации Л. И. Брежнева Черненко был переведен в аппарат ЦК КПСС заведующим отделом массовой агитации при отделе пропаганды и агитации ЦК. В течение 17 лет (1965—1982) он возглавлял Общий отдел, сумев превратить его в структуре ЦК КПСС в особенно заметный, влиятельный и элитный [Волкогонов, 1995, с. 219]. О влиянии и значении этого отдела говорит тот факт, что только после рассмотрения в нем принятые решения превращались в постановления ЦК КПСС [Коммерсант Власть, 2001, с. 42]. На XXV съезде Черненко избрали секретарем ЦК. В 1977 году он стал кандидатом, а в 1978 — членом политбюро ЦК КПСС.

13 февраля 1984 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов от имени Политбюро рекомендовал К. У. Черненко на пост Генерального секретаря, и он был избран единогласно [Правда, 1984].

А. С. Черняев, присутствовавший на этом Пленуме, так передал его атмосферу: *Свердловский зал был уже почти полон ... Где-то без двадцати одиннадцать зал замолк. Ровно в одиннадцать в проеме двери показалась голова Черненко. За ним Тихонов, Громыко, Устинов, Горбачев и другие.*

Зал отреагировал молчанием. Не встали, как это было, помнится, когда также вошел Андропов после смерти Брежнева [Черняев, 2010, с. 550].

Помощник нескольких Генеральных секретарей, в том числе и Черненко, А. М. Александров-Агентов позднее писал: *... Я не раз задавал себе вопрос: как же все-таки получилось, что на высшем руководящем посту огромного государства оказался этот слабый и физически, и во многих других отношениях человек, не имевший для этого ни достаточной эрудиции, ни опыта настоящей государственной работы, ни знания экономики? Ведь не могли же этого не видеть избравшие его коллеги! Да и сам Константин Устинович, если уж на то пошло?* [Александров-Агентов, 1998, с. 283].

Нужно заметить, что приход к власти Черненко нельзя объяснить случайностью. При Андропове ему официально было поручено в период отсутствия Андропова вести заседания не только секретариата ЦК КПСС, но и Политбюро, что способствовало серьезному укреплению его позиций. Кроме того, ветераны, имевшие уже преклонный возраст (Устинов, Громыко, Тихонов, Кунаев, Гришин), а также партийная элита на местах, имевшая такой же возраст, стремились как можно дольше сохранить свои позиции и влияние. А этого можно было добиться только в том случае, если Генеральным секретарем будет избран представитель старой когорты. Не следует забывать и то, что немало партийных и хозяйственных деятелей, смещенных при Андропове, продолжали еще быть членами ЦК. Они считали себя незаслуженно обиженными и теперь свои предпочтения отдавали Черненко. Поэтому при той расстановке сил,

которая сложилась после смерти Андропова, в избрании Черненко Генсеком было больше закономерного, чем случайного.

Среди руководителей КПСС и Советского государства К. У. Черненко меньше других удостоился внимания исследователей. Специальных монографических исследований, посвященных его жизни и деятельности, в том числе и на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, до сих пор не существует. Некоторые аспекты жизни и деятельности Черненко затрагивались в работах [Волгогонов, 1995, кн. 2; Земцов, 1999, кн. 1; Шубин, 2001, с. 302—317; 2008, с. 281—307; Пихоя Р. Г., 2007, с. 697—699; Островский, 2010, с. 362—410]. Среди специальных работ следует выделить книгу мемуарного характера В. В. Прибыткова [Прибытков, 2009].

2. Основные направления деятельности Черненко

Можно с полным основанием утверждать, что у К. У. Черненко своей, присущей новому Генеральному секретарю ЦК КПСС политики по развитию страны не было. За 13 месяцев пребывания у власти сформировать такую политику было просто невозможно, тем более если учитывать то, какое он имел здоровье. Его секретарь О. А. Захаров вспоминал: *Когда Черненко приезжал на работу, то охрана, усадив его в кресло, сразу применяла кислородный аппарат, иначе он задыхался. Уезжая после работы домой и выйдя из кабинета, он не мог одолеть расстояние до лифта и вынужден был присаживаться на стоящие в коридоре стулья. Только после этого поднимался с помощью охраны и шел дальше к лифту* [Гласность, 1993]. При таком здоровье он, конечно, серьезно вникать в проблемы развития страны не мог.

Ошибочно также полагать, что во внутренней политике Черненко пытался «заморозить» или обратить вспять преобразования, осуществившиеся при Андропове. Историк А. В. Шубин отмечает, что «начатая Андроповым политика не прекращалась», сам он политику периода правления Черненко определяет как «курс Черненко-Горбачева» [Шубин, 2008, с. 87].

В области экономической политики новый Генеральный секретарь постоянно подчеркивал преемственность прежнего курса. При нем продолжался экономический эксперимент, начатый при Андропове 1 января 1984 года. На новые условия работы переводились предприятия тяжелого и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности СССР; министерства пищевой (Украины), легкой (Белоруссии) и местной промышленности (Литвы). Предприятия получили право вводить частичный хозрасчет, самостоятельно увеличивать размер заработной платы от 25 до 50 %. Для них также сокращались плановые показатели [КПСС в резолюциях, т. 14, с. 443—448].

Однако Черненко экономической политикой не занимался, сфера экономики его интересовала мало, она по-прежнему была прерогативой других

людей. Как известно, еще при Андропове экономической политикой поручено было заниматься Горбачеву и заведующему Экономическим отделом ЦК КПСС и секретарю ЦК Н. И. Рыжкову. В этот период активизировалась работа, направленная на создание концепции по совершенствованию системы управления народным хозяйством.

Правительство также уделяло серьезное внимание этой проблеме. 27 февраля 1984 года под председательством Н. А. Тихонова прошло совещание, рассмотревшее вопрос «О подготовке предложений по принципиальным направлениям совершенствования управления народным хозяйством» [ГАРФ, ф. 5446, оп. 144, д. 1493, лл. 1—2].

О серьезности намерений в этой области говорит тот факт, что была даже создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению предложений о направлениях совершенствования управления. Ее возглавил председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов. В состав Комиссии вошли Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, Г. В. Романов, Н. И. Рыжков. Первое заседание состоялось 6 марта 1984 года [Там же, л. 20]. Присутствовали все пять членов Комиссии. Они обсудили подготовленный проект записки ЦК КПСС «О принципиальных направлениях совершенствования управления». Члены Комиссии говорили о необходимости сократить плановые показатели, расширить хозяйственную самостоятельность предприятий с учетом осуществляемого в промышленности и некоторых отраслях народного хозяйства экономического эксперимента. Отмечалась целесообразность включения в состав производственных объединений (ПО) проектно-конструкторских и технологических организаций. Одобрив записку в целом, приняли решение произвести ее доработку до 20 марта [Там же].

Второе заседание Комиссии Политбюро состоялось 16 апреля. Оно одобрило проект записки ЦК КПСС. После обсуждения документ получил название «Об основных направлениях дальнейшего совершенствования управления» [Там же, д. 1494, л. 18]. Было решено внести в документ окончательные правки до 20 апреля [Там же, л. 20].

Третье заседание Комиссии состоялось 15 мая. В ее состав были включены также секретари ЦК КПСС В. И. Долгих и И. В. Капитонов. Было принято решение о создании при Комиссии Политбюро Рабочей группы и Научной секции. В Рабочую группу включили 12 человек, ее возглавил первый заместитель заведующего Экономическим отделом ЦК КПСС Б. И. Гостев [Там же, д. 1495, лл. 17—18]. Руководителем Научной секции был назначен заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ), директор Всесоюзного научно-исследовательского института (ВНИСИ) Д. М. Гвишиани [Там же]. Научная секция состояла из 16 человек. Среди них были академики А. Г. Аганбегян,

Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов, директор ИМЭМО А. Н. Яковлев и др. [Там же, лл. 18—19]. Как видно, в нее были включены либерально мыслящие ученые, что говорило о том, что концепция совершенствования управления экономикой создавалась как либеральная.

По утверждению академика С. С. Шаталина, «волею судеб ВНИСИ все больше становился идейным центром по трансплантации “чужих” методов в советскую экономику», причем «руководство СССР целенаправленно не мешало этому» [Шаталин, с. 136]. В комиссии Гвишиани рассматривались вопросы о кооперации, об индивидуально-трудоустройстве, о децентрализации экономики, об изменении планирования, о хозрасчете и т. д. [Там же, с. 139].

К осени 1984 года концепция по совершенствованию управления была подготовлена, и после ее доработки документ получил одобрение Политбюро и лег в основу дальнейшей работы по составлению программы экономических реформ [Рыжков, 1992, с. 69—70].

Немало внимания уделялось проблемам интенсификации и научно-технического прогресса. На Всесоюзной конференции по идеологии в декабре 1984 года выступил М. С. Горбачев: *Курс на интенсификацию, — говорил он, — диктуется объективными условиями, всем ходом развития страны. Альтернативы ему нет. Только интенсивная экономика, развивающаяся на новейшей научно-технической основе <...> позволит стране достойно вступить в новое тысячелетие как великой и процветающей державе* [Правда, 1984].

Данная конференция рассматривалась как подготовка к очередному Пленуму ЦК, на котором предполагалось рассмотреть проблемы научно-технического прогресса. Подготовка к этому Пленуму шла высокими темпами. В ноябре 1984 года была создана рабочая группа во главе с Н. И. Рыжковым [Рыжков, 1992, с. 73]. *В декабре по поручению Горбачева, — вспоминает А. Г. Аганбегян, — вместе с коллегами я участвовал в подготовке пленума по научно-техническому прогрессу, и меня даже не отпустили встретить Новый год в Новосибирск* [Аганбегян, 2000, с. 24—25]. Решение о проведении Пленума по вопросам научно-технического прогресса было принято в октябре 1984 года, он должен был состояться 23 апреля 1985 года [Рыжков, 1992, с. 73—74].

Но этот Пленум так и не был созван. Неожиданно главный куратор подготовки Пленума Горбачев по согласованию с Черненко на Политбюро выступил с предложением о его переносе на более позднее время [Горбачев, 1995, кн. 1, с. 261—262].

Столь резкий поворот в позиции Горбачева, который был одним из решительных сторонников данного Пленума, Н. И. Рыжков объясняет тем, что *«уже шла, по-видимому, закулисная работа по подготовке замены Черненко, еще не умершего, но на глазах угасавшего»* [Рыжков, 1992, с. 73—74].

В преобразованиях нуждалось и сельское хозяйство. Абсолютные показатели производства зерна и мясных продуктов фактически не увеличивались. Горбачеву, курировавшему эту сферу экономики, не удалось добиться перелома. Пустые полки магазинов, приписки, поездки в столицу за колбасой, мясом и другими товарами превратились в каждодневное явление советской жизни.

В 1984 году Советский Союз закупил на Западе 45,5 миллиона тонн зерна и зернопродуктов, 484 тысячи тонн мяса и мясопродуктов, свыше одного миллиона тонн масла животного и растительного, других продовольственных товаров на свободно конвертируемую валюту. Страна для этого отправила за рубеж более 300 тонн золота, огромные валютные суммы, вырученные за продажу газа, нефти, леса, другого сырья [Волгогонов, 1995, кн. 2, с. 267].

Панацею от всех бед в сельском хозяйстве теперь видели в мелиорации. По инициативе Горбачева в октябре 1984 года по этому вопросу был проведен специальный Пленум, в постановлении которого подчеркивалось: *В своей аграрной политике Коммунистическая партия исключительно большое значение придает повышению устойчивости сельскохозяйственного производства как важнейшему условию планомерного развития всего народного хозяйства. В достижении этой цели решающая роль принадлежит мелиорации — мощному средству интенсификации и повышения продуктивности земледелия* [Правда, 1984].

В мелиоративные работы закапывались немалые деньги, но эффект, на который рассчитывали, получен не был.

При Черненко продолжался андроповский курс, направленный на борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти. Он не пошел на компромисс по «делу Щелокова», своего давнего знакомого, на которого было заведено уголовное дело. 6 ноября 1984 года Щелоков был лишен звания генерала армии. Сообщение об этом было опубликовано в печати 9 ноября — накануне Дня милиции [Известия, 1984]. 7 декабря КПК при ЦК КПСС исключил его из рядов КПСС. Затем Президиум Верховного Совета СССР лишил его всех наград, кроме боевых и Звания Героя Социалистического Труда [Кедров, 2016, с. 230].

«Узбекское дело», начатое при Андропове, было продолжено при Черненко. Он дал согласие на арест первого секретаря Бухарского обкома КПСС А. К. Каримова и других партийных и государственных работников. Как вспоминают следователи Т. Гдлян и Н. Иванов, *«это был очень важный прецедент — за несколько десятилетий первый случай привлечения к уголовной ответственности партийного руководителя столь высокого ранга»* [Гдлян и др., 1996, с. 33]. Действительно, партийный руководитель столь высокого ранга за коррупцию не арестовывался со времен смерти Сталина. Во время обысков изымалось большое количество денег и ценностей. В частности, 11 ноября 1984 года у Каримова было обнаружено ценностей на сумму в 6 млн рублей, в том числе 110 кг ювелирных изделий [Иванов, 1995, с. 126—127].

9 июля 1984 года состоялось собрание аппарата ЦК КПСС, на котором Лигачев ознакомил всех со сложившимся положением в этой республике. Присутствовавший на собрании А. С. Черняев запечатлел в своем дневнике: *Ужас, полное разложение. Урожай хлопка рос, а выход волокна снижался из года в год <...> взятки брали десятками тысяч, государство обкрадывали на миллионы. В Ташкенте понастроили дворцов, площадей <...> В Самарканде все начальство обзавелось роскошными особняками <...>, а между тем люди живут, не имея канализации, водопровода, газа, а то и без электричества. В ЦК КПСС за три последних года поступило обо всем этом 30 000 писем, однако <...> никто не придавал этому значения <...> Освобождено от работы несколько тысяч партработников всех рангов, около 1500 из них отдано под суд* [Черняев, 2010, с. 569].

Продолжалось расследование дел, связанных с московской «торговой мафией». 24 июня 1984 года был арестован начальник главного управления торговли Мосгорисполкома Н. П. Трегубов, занимавший этот пост с 1970 года и считавшийся человеком, близким к первому секретарю МГК КПСС, члену Политбюро В. В. Гришину, а десятью днями раньше был расстрелян бывший директор «Елисеевского» магазина Ю. К. Соколов. К этому времени было арестовано 7,5 % штатной численности работников Главторга, включая 2121 руководителя [Раззаков, 1996, с. 239].

Как отмечают современники, самого Черненко не подозревали ни в каких коррупционных делах. Е. К. Лигачев отмечает: *Особенно обязан сказать о том, что Черненко, который был необычайно близок к Брежневу и обладал колоссальным в ту пору влиянием, умудрился не запачкать свое имя коррупцией. Вокруг Брежнева фактов злоупотреблений было немало, а Черненко возможности на этот счет имел немислимые, он мог бы грести не только пригоршнями, но и ворохами. Только мизин, только намекни — и его завалили бы «сувенирами», отблагодарили бы превелико за помощь. Чтобы не оказаться втянутым в злоупотребления, Константину Устиновичу действительно надо было проявить твердость. Он был весьма скромным в быту и житейских делах* [Лигачев, 1992, с. 66].

Черненко пытался выглядеть реформатором. При нем прозвучала идея о необходимости повышения роли местных Советов в решении хозяйственных и культурных вопросов. Такой подход соответствовал политике разумной децентрализации управления и согласования интересов министерств и ведомств с интересами местных Советов. *У нас принят ряд решений, — говорил Черненко, — призванных повысить роль местных Советов в хозяйственном и культурном строительстве. Рассчитывали — и правильно рассчитывали, — что это поможет обеспечить комплексное развитие экономики на местах, выставит более прочный заслон против ведомствен-*

ности, позволит полнее удовлетворять многообразные запросы населения, улучшить его обслуживание.

Многие министерства все еще пытаются действовать в обход местных Советов [Черненко 1984, с. 418].

Многие преобразования, осуществлявшиеся при Черненко, были начаты еще при Андропове и по инерции продолжались. Однако школьную реформу, принятую в то время, можно без преувеличения назвать черненковской. Он внес большой персональный вклад в ее разработку, начатую еще в доандроповский период. Реформа была принята на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984 года. Сам Генсек был убежден в несомненной полезности и перспективности предложенной реформы: *Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям, каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, — подчеркивал на Пленуме Черненко. — Таков, можно сказать, закон социального прогресса.*

В условиях научно-технической революции лавинообразного роста информации этот закон предъявляет небывало высокие требования и к тем, кто учится, и к тем, кто учит, — от рядового педагога до министра. Реформа и призвана создать все необходимые предпосылки для выполнения этих требований [Правда, 1984].

Однако содержание, которое вкладывалось в школьную реформу, не позволяло новым поколениям «подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры». Предполагалось общеобразовательную школу превратить в политехническую, а также увеличить количество учащихся, направляемых после окончания восьмилетки для получения среднего образования в профессионально-технические училища. Ставилась задача создать прямые производственные связи между школой и предприятиями, с тем чтобы дети еще со школьной скамьи начали заниматься трудовой деятельностью. *Министерствам и ведомствам СССР и союзных республик создавать необходимые условия для трудового обучения учащихся на подведомственных предприятиях, в организациях и учреждениях. Для этой же цели выделять оборудование, рабочие места, квалифицированные кадры, сырье и материалы, обеспечить четкую организацию труда учащихся [Там же].*

Реализация этой реформы должна была привести к созданию вместо общеобразовательной школы некоего симбиоза «школа — ПТУ»: реформу предполагалось реализовать в течение двух пятилеток. Школа ориентировалась на подготовку подрастающего поколения не для поступления в вузы, теперь она должна была стать источником пополнения заводских коллективов.

Формальной стала общеобразовательная подготовка учащихся и в средних ПТУ. Функции общеобразовательной школы, как показала практика,

профессиональная школа выполнять не могла. В 1987 году председатель Государственного комитета по профессионально-техническому образованию А. Думачев вынужден был признать, что превращение всех училищ в средние не имело реальных оснований [Там же, 1987]. Кроме приписок контингента ПТУ, процентомании и выдачи многим выпускникам «липовых дипломов» о среднем образовании, это ни к чему хорошему не привело [Там же].

Большую озабоченность вызывали правонарушения среди учащихся. С каждым годом их количество увеличивалось. Этому способствовало также и то, что немало подростков перед поступлением в ПТУ уже состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. По данным 1985 года, среди принятых в ленинградские училища таких было 20 % [ЦГА СПб, ф. 5016, оп. 6, д. 785, л. 9]. Не случайно поэтому многие профтехучилища превращались в рассадник молодежной преступности.

Предложенная обществу школьная реформа с самого начала ее реализации встретила неприятие у значительной части родителей, интеллигенции и учительской общественности. Программа производственного обучения школьников превратилась в полную формальность, а вот общеобразовательной подготовке учащихся ущерб был нанесен серьезный.

3. Обострение борьбы за власть

На постоянно болеющего Черненко смотрели как на временную фигуру, что не могло не усилить борьбу за власть внутри Политбюро. В завуалированной форме это выразилось уже на первом заседании Политбюро, которое вел Черненко в качестве Генерального секретаря 23 февраля 1984 года, когда он предложил, чтобы Горбачев вел секретариат, а в отсутствие Генсека и Политбюро. Е. К. Лигачев вспоминает: *Черненко был избран генеральным секретарем, как говорится, без проблем. Заминка произошла несколько позднее, когда на организационном заседании Политбюро Константин Устинович внес предложение поручить проведение секретариата ЦК Горбачеву* [Лигачев, 1992, с. 27].

Н. А. Тихонов сразу же выступил против: *А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, — продолжал он, — обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК, ведь В. И. Ленин вел заседания Политбюро не будучи секретарем* [Воротников, 1995, с. 39—40]. Тихонову возразил не менее влиятельный член Политбюро Устинов: *Но ведь Горбачев уже имеет опыт ведения секретариата, да и вся предыдущая практика говорит, что ведущий секретариат всегда имел какой-то участок работы, и это не оказывало негативного влияния на работу секретариата* [Медведев, 1994, с. 17].

Возникшую дискуссии сумел остановить своим предложением Громыко: *Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться и позднее к этому вопросу вернемся* [Прибытков, 2002, с. 135].

Окончательного решения по этому вопросу принято не было. Позднее, встретившись с Черненко, Горбачев говорил ему, что *«позиция Тихонова несет разлад в Политбюро <...> Можно ли допускать такое, чтобы к председательству на Политбюро придет сегодня один, завтра другой, и — это же хаос, — рассказывал сам Горбачев об этом разговоре* (Воротникову. — М. П.). — *Разговор повлиял на Черненко, позиция де ясная, не переживай»* [Там же, с. 40].

До самой смерти Черненко Горбачев так и не получил столь желаемого им решения Политбюро, — пишет Н. И. Рыжков. Иными словами, он был “вторым” вроде как нелегально, де-факто, но не де-юре. Старая брежневская гвардия побаивалась его и не доверяла ему.

Не скрою, его это очень мучило. Каждый четверг по утрам он сидел сиrotкой в своем кабинете и нервно ждал телефонного звонка Черненко: придет ли тот на Политбюро сам или попросит Горбачева заменить его и в этот раз [Рыжков, 1992, с. 60].

То, что Горбачев официально не получил право вести заседания Секретариата и Политбюро, совершенно не означало, что его звезда закатилась. При всем противоречивом отношении Черненко к Горбачеву, тем не менее, он способствовал укреплению позиций последнего. Горбачев вел заседания Секретариата ЦК, а в период болезни Генсека вел и заседания Политбюро. В сентябре 1984 года в положении Горбачева произошло второе важное изменение: за столом заседаний Политбюро он занял место неформального «второго» секретаря ЦК КПСС, которое занимал Романов. По свидетельству В. А. Печенева, *«на одном из заседаний* (Политбюро. — М. П.), *когда Романов находился в отпуске, Черненко, показав на место справа от себя, которое обычно занимал второй секретарь, сказал: “Михаил Сергеевич, ты садись сюда”»* [Коммерсант Власть, 2001, с. 44].

Таким образом, Горбачеву удалось добиться права в период болезни Черненко вести заседания двух высших руководящих инстанций партии — Секретариата и Политбюро, что превращало его в человека № 2 в партии.

При Черненко не прекращалось соперничество между двумя вероятными претендентами на власть — между Горбачевым и Г. В. Романовым.

Член Политбюро М. С. Соломенцев, хорошо знавший взаимоотношения между коллегами, позднее напишет: *В 1983 году Романова пригласили в Москву, Ю. В. Андропов поручил курировать военно-промышленный комплекс. Романов пользовался явной поддержкой и К. У. Черненко. Все это вызывало недовольство М. С. Горбачева, который уже тогда, видимо, “примеривался” к роли Генерального секретаря. Отношения между Горбачевым и Романовым*

были натянутыми. Горбачев использовал разные методы, чтобы представить его в негативном виде [Соломенцев, 2011, с. 203].

Однако повышению авторитета Романова мешали существовавшие слухи о том, будто бы на свадьбе его дочери использовали сервиз Екатерины Второй, взятый из Эрмитажа, который был побит. В реальности ничего подобного не было.

Подобные слухи были настолько распространены и воспринимались как правдивые, что историк И. Г. Земцов даже в 1999 году пишет об этих сплетнях как о достоверном факте: «Романов <...> отличался самодурством, любил устраивать шумные попойки, а однажды распорядился (на свадьбе дочери) сервировать стол царским сервизом, от которого по окончании торжества остались лишь осколки как свидетельство его необузданного нрава» [Земцов, 1999, кн. 2, с. 312].

Между тем средства массовой информации становились все более прогорбачевскими. Тон и стиль газетных публикаций задавала «Правда» — с нее моделировались материалы всей печати. Ее главный редактор, академик В. Г. Афанасьев, отождествлял себя с Горбачевым. Он первым высказал недопустимую мысль о наличии в Политбюро «второго» генерального секретаря и запустил этот неофициальный титул в политическое обращение — с тех пор он прочно утвердился за Горбачевым. Намеренно допускалась утечка информации с заседаний правительства (Политбюро) — с тем, чтобы показать слабость и нерешительность Черненко [Там же, с. 317].

До конца своей жизни Черненко не смог преодолеть своего противоречивого отношения к Горбачеву, которого это очень беспокоило. Проблему налаживания доверия между ними взял на себя Лигачев, по инициативе которого состоялся конфиденциальный телефонный разговор. Он вспоминает: ... *та памятная телефонная беседа была непривычно долгой, <...> я рассказал, что точно — с девяти утра до девяти вечера — трудится Горбачев, сказал о том, что мы не хотим и не можем подвести генерального секретаря.*

— *Константин Устинович, — говорил я, — вы знаете, что я из Сибири, Горбачев с Северного Кавказа, к тому же я совсем недавно работаю в ЦК. Старых связей у нас не было. Да, мы с Горбачевым работаем дружно, но эта работа основана на интересах дела, только на интересах дела. Никаких других мотивов у нас нет.*

Говорил в основном я. Черненко вопросов не задавал. А выслушав мой горячий монолог, ответил просто и коротко:

— *Верю, Егор Кузьмич. Будем считать, что наш разговор состоялся* [Лигачев, 1992, с. 46—47].

Помощник Горбачева В. И. Болдин считает, что при посредничестве Лигачева отношения Черненко и Горбачева наладились [Болдин, 1995, с. 63]. Но и

после этого разговора Черненко лишь в последний момент сообщал Горбачеву о том, что в этот день ему поручается вести заседание Политбюро: *Нередко случалось так, — пишет Горбачев, — заседание назначено, но Константин Устинович прибыть не в состоянии, и за 15—30 минут до начала — звонок мне с поручением председательствовать* [Горбачев, 1995, кн. 1, с. 259].

В сентябре-октябре 1984 года состояние здоровья Черненко резко ухудшилось. На этом фоне соперничество между Горбачевым и Романовым усилилось. Оба активизировали свою деятельность, касающуюся особенно внешней политики. Романову было поручено возглавить советскую делегацию в Финляндию 15 октября по случаю 40-й годовщины Договора о перемирии между СССР и Финляндией.

В своем выступлении в присутствии президента Койвисто он подверг критике политику Рейгана по размещению ракет в Западной Европе [Правда, 1984].

Горбачев же в декабре, возглавив делегацию Верховного Совета СССР, отправился в Великобританию. Известно, что выбор Горбачева в качестве главы делегации был не случаен. На Западе хотели более близко познакомиться с ним как с одним из претендентов на высшую власть в СССР: *М. Тэтчер познакомилась с Горбачевым в феврале 1984 года, когда приехала в Москву на похороны Андропова, — вспоминает заведующий отделом международной информации ЦК КПСС Л. Замятин. — Осенью того же года, после длительного охлаждения англо-советских отношений — делегацию Верховного Совета СССР пригласили посетить Лондон с официальным визитом. Через британского посла в Москве дали понять, что премьер-министр могла бы встретиться с главой делегации, если таковую будет возглавлять Горбачев* [Замятин, 1995, с. 17—18]. *Британцы тонко вмешались, — пишет А. В. Шубин, — в соотношение сил в Кремле, позволили Горбачеву осуществить удачную дипломатическую миссию, блеснуть дипломатическими способностями* [Шубин, 2001, с. 324—325].

Горбачеву предоставили возможность выступить в британском парламенте. Он также был принят Маргарет Тэтчер, на которую произвел благоприятное впечатление. Не случайно поэтому в интервью с журналистами она произнесла свою знаменитую фразу: *С этим человеком можно иметь дело ... Ему можно верить* [Замятин, 1995, с. 20—21].

Между тем здоровье Черненко стремительно ухудшалось: *С декабря, — отмечает его помощник В. А. Печенев, — он находился в больнице почти безвыездно* [Коммерсант Власть, 2001]. Борьба за власть вступила в решающую фазу. Именно в период с января по март 1985 года окончательно выяснился вопрос, кому возглавить великую страну.

Черненко очевидно и сам понимал, что с таким здоровьем нормально работать невозможно. 9 января 1985 года он обсуждал этот вопрос с некоторыми

членами Политбюро. В. И. Воротников вспоминает: «*Возникают вопросы, решение которых нельзя отложить <...> Я не могу сам единолично принимать решение. Думал, может уйти?*». Тихонов, Гришин, Громыко подали протестующие реплики: «*Зачем торопиться? Надо подлечиться и все*» [Воротников, 1995, с. 53—54]. Услышав это, Черненко сразу же добавил: *До слез обидно. Так хочется работать* [Там же, с. 54]. Из сказанного им вытекает, что искреннего желания уйти в отставку у Черненко, конечно, не было.

7 февраля 1985 года Черненко последний раз вел заседание Политбюро и на следующий день оказался в ЦКБ [Там же, с. 71].

Второй раз Черненко вопрос о своей отставке обсуждал с Громыко по телефону 7 марта. В своих мемуарах он пишет: *За три дня до кончины, почувствовав себя плохо, он (Черненко. — М. П.) позвонил мне:*

— *Андрей Андреевич, чувствую себя плохо ... Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку? Советуюсь с тобой ...*

Мой ответ был кратким, но определенным:

— *Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.*

— *Значит, не спешить?*

— *Да, спешить не надо, — ответил я.*

Мне показалось, что он определенно доволен моей реакцией.

— *Что же из этого и буду исходить ...*

На этой фразе мы и закончили телефонный разговор [Громыко, 1988, кн. 2, с. 392—393].

Горбачев внимательно следил за состоянием здоровья Черненко. Об этом свидетельствует Чазов: *Он интересовался здоровьем Черненко чаще других* [Чазов, 1992, с. 210]. И поэтому лучше всех остальных представлял себе реальное состояние его здоровья. За четыре дня до смерти Черненко Горбачев и Лигачев посетили его в Кунцевской больнице. 7 марта на Политбюро Горбачев об этом говорил следующее: *Вчера мы с Егором Кузьмичом были у Константина Устиновича, чувствует себя неплохо. Побеседовали, ввели его в курс дел* [Горбачев, 1995, кн. 1, с. 261]. Из сказанного видно, что он пытается сформировать представление о том, что в ближайшие несколько месяцев с Генеральным секретарем ничего не случится. Это нужно было Горбачеву для того, чтобы члены Политбюро не отменяли заранее намеченные планы. Щербицкий готовил визит в США, и он его осуществил. Кунаев спокойно продолжал руководить Казахстаном, а Романов ушел в отпуск.

Кроме Горбачева и Романова, называют и других претендентов на пост Генсека: членов Политбюро, первого секретаря МК КПСС В. В. Гришина, первого секретаря Компартии Украины В. В. Щербицкого, председателя Сове-

та Министров СССР Н. А. Тихонова [Островский, 2010, с. 496—514; Шубин, 2000, с. 317—325]. Однако в той ситуации лучшие шансы были у Горбачева, поскольку каждый из его противников примеривал на себя «шапку Мономаха», не было заранее оговоренной кандидатуры, в то время как М. С. Горбачев получил поддержку не только Громыко, но и большой группы членов ЦК, о чем он хорошо был осведомлен [Лигачев, 1992, с. 62—63; Громыко Анат., 1997, с. 95].

4. Заключение

Среди Генеральных секретарей ЦК КПСС Константин Устинович Черненко оказался самым «рядовым». За короткий период его правления в Советском Союзе не произошло заметных перемен. Оказавшись на вершине власти в силу сложившейся после смерти Ю. В. Андропова расстановки сил в Политбюро, Черненко не смог предложить политику, которую можно было идентифицировать с его именем и определить как «политику Черненко». Однако, несмотря на физическую немощность, что, конечно, не позволяло ему вести активную деятельность, он не был ретроградом. У него присутствовало понимание объективной необходимости осуществления реформ в нашей стране. Подтверждением этому является его стремление продолжить преобразования, начатые при Андропове. Не без его одобрения была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению предложений о направлениях совершенствования управления народным хозяйством. Он также способствовал усилению положения Горбачева в Политбюро, что позволило ему стать после его смерти Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Источники и принятые сокращения

1. Аганбегян А. «Мне очень повезло в жизни». Ректор Академии народного хозяйства «о времени и о себе» / А. Аганбегян // Элитное образование. — 2000. — № 8 (15). — С. 24—25.
2. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева / А. М. Александров-Агентов. — Москва : Международные отношения, 1994. — 299 с.
3. Болдин В. И. Крушение пьедестала : Штрихи к портрету М. С. Горбачева / В. И. Болдин. — Москва : Республика, 1995. — 445 с.
4. Воротников В. И. А было это так ... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС / В. И. Воротников. — Москва : Совет ветеранов книгоиздания : SLMAR, 1995. — 473 с.
5. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1493. Л. 1—2, 20 ; Д. 1494. Л. 18 ; Л. 20 ; Д. 1495. Л. 17—18, 19.
6. Гдлян Т. Х. Кремлевское дело / Т. Х. Гдлян, Н. В. Иванов. — Москва : Грамота, 1996. — 443 с.
7. «Голова у Черненко оставалась светлой» // Коммерсант Власть. — Москва : [б. и.], 2001. — № 38. — С. 42—45.
8. Горбачев М. С. Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. В 2 книге. — Москва : Новости, 1995. — Книга 1. — 656 с.
9. Громыко А. А. Памятное / А. А. Громыко. В 2 книге. — Москва : Политиздат, 1988. — Книга 2. — 414 с.

10. *Громыко Анат. А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля : Воспоминания и размышления сына / Анат. А. Громыко. — Москва : Автор, 1997. — 257 с.
11. *Думачев. А.* А ломать — то легче ... Что ждет профтехшколу / А. Думачев // Правда. — 29 декабря 1987. — № 363.
12. *Живое творчество народа.* Доклад товарища М. С. Горбачева // Правда. — 11 декабря 1984. — № 346.
13. *Замятин Л. М.* Горби и Мегги. Записки посла о двух известных политиках — Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер / Л. М. Замятин. — Москва : Б. М. : Б. И., 1995. — 182 с.
14. *Захаров О.* Записки секретаря трех Генсеков / О. Захаров // Гласность. — 14—20 января 1993. — № 2.
15. *Иванов Н. В.* Следователь из провинции / Н. В. Иванов. — Санкт-Петербург : Шанс, 1995. — 384 с.
16. *Известия.* — 9 ноября 1984. — № 314.
17. *Информационное сообщение о Пленуме Коммунистической партии Советского Союза* // Правда. 14 февраля 1984. — № 45.
18. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* 9-е изд. Т. 14. — Москва : Политиздат, 1987. — 638 с.
19. *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева / Е. К. Лигачев. — Новосибирск : Интербрук, 1992. — 302 с.
20. *Лигачев Е. К.* Предостережение. Воспоминания / Е. К. Лигачев. — Москва : Газета «Правда», 1999. — 431 с.
21. *Медведев В. А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри / В. А. Медведев. — Москва : Былина, 1994. — 239 с.
22. *Постановление Пленума ЦК КПСС* // Правда. — 24 октября 1984. — № 289.
23. *Прибытков В. В.* Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко / В. В. Прибытков. — Москва : Молодая гвардия, 2002. — 194 с.
24. *Речь товарища К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984 года* // Правда. — 11 апреля 1984. — № 102.
25. *Речь Г. В. Романова* // Правда. — 15 октября 1984. — № 289.
26. *Рыжков Н. И.* Перестройка : история предательств / Н. И. Рыжков. — Москва : Новости, 1992. — 397 с.
27. *Соломенцев М. С.* Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов» перестройки / М. С. Соломенцев. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 224 с.
28. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 5016. Оп. 6. Д. 785. Л. 9.
29. *Чазов Е. И.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача» / Е. И. Чазов. — Москва : Новости, 1992. — 221 с.
30. *Черненко К. У.* Народ и партия едины. Избранные речи и статьи / К. У. Черненко. — Москва : Политиздат, 1984. — 496 с.
31. *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы / А. С. Черняев. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 1047 с.
32. *Шаталин С. С.* Прерванный диалог / С. С. Шаталин. — Тверь : Обл. кн.-журн. изд-во, 1998. — 287 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волкогонов Д. А.* Семь вождей : в 2 книгах / Д. А. Волкогонов. — Москва : Новости, 1995. — Книга 2. — 280 с.

2. Земцов И. Г. Крах эпохи : в 2 книгах / И. Г. Земцов. — Москва : Наука, 1999. — Книга 1. — 380 с.
3. Кедров С. А. Щелоков / С. А. Кедров. — Москва : Молодая гвардия, 2016. — 319 с.
4. Островский А. В. Кто поставил Горбачева? / А. В. Островский. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 544 с.
5. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945—1985 / Р. Г. Пихоя. — Москва : Русь-Олимп : Астрель : АСТ, 2007. — 715 с.
6. Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма / Ф. И. Раззаков. — Москва : Эксмо, 1996. — 515 с.
7. Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. / А. В. Шубин. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 768 с.
8. Шубин А. В. Золотая осень или период застоя / А. В. Шубин. — Москва : Вече, 2008. — 348 с.

KONSTANTIN USTINOVICH CHERNENKO AS THE LEADER OF THE CPSU AND THE SOVIET UNION (1984—1985)

© **Matvej F. Polynov (2020)**, orcid.org/0000-0002-6842-8930, Doctor of History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), m.polynov@spbu.ru.

The activity of Konstantin Ustinovich Chernenko as the General Secretary of the Central Committee of the CPSU is analyzed. The author reveals the objective and subjective factors that influenced his coming to power. The relevance of the study is due to the need to obtain objective knowledge and understanding of the content of Chernenko's internal policy at the highest post in the party. The novelty of the research lies in the fact that, based on an analysis of various historical sources, the question of which areas of the CPSU policy was focused on Chernenko's attention as General Secretary for 13 months. It is stated that Chernenko left a noticeable mark on politics, despite the fact that he was unable to propose a policy that could be identified with his name and defined as "Chernenko's policy". It has been proved that he, on the whole, continued the policy pursued by Andropov, and did not seek to "freeze" the ongoing reforms. It is shown that he had a clear understanding of the need to reform not only the economy, but also some spheres of society, especially education. It is emphasized that he also raised the issue of the need to enhance the role of the Soviets. It is shown that in the top leadership of the USSR Chernenko was perceived as a temporary leader, which exacerbated the struggle for power within the Politburo.

Key words: USSR; The Communist Party; General Secretary of the CPSU Central Committee; K. U. Chernenko; Yu. V. Andropov; M. S. Gorbachev; G. V. Romanov.

MATERIAL RESOURCES

- Aganbegyan, A. (2000). «Mne ochen' povezlo v zhizni». Rektor Akademii narodnogo khozyaystva («о времени и о себе») ["I was very lucky in my life". The rector of the Academy of national economy "about time and myself"]. *Elitnoye obrazovaniye* [Elite education], 8 (15): 24—25. (In Russ.).
- Aleksandrov-Agentov, A. M. (1994). *Ot Kollontay do Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 299 p. (In Russ.).
- Boldin, V. I. (1995). *Krusheniye pedestal: Shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva* [The collapse of the pedestal: Strokes to the portrait of M. S. Gorbachev]. Moskva: Respublika. 445 p.

- Chazov, E. I. (1992). *Zdorovyye i vlast'. Vospominaniya «kremlevskogo vracha»* [Health and power. Memoirs of the “Kremlin doctor”]. Moskva: Novosti. 221 p. (In Russ.).
- Chernenko, K. U. (1984). *Narod i partiya yediny. Izbrannyye rechi i statyi* [The People and the party are United. Selected speeches and articles]. Moskva: Politizdat. 496 p. (In Russ.).
- Chernyayev, A. S. (2010). *Sovmestnyy iskhod. Dnevnik dvukh epoch. 1972—1991 gody* [Joint outcome. Diary of two epochs. 1972—1991]. Moskva: ROSSPEN. 1047 p. (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 5446. Op. 144. D. 1493. L. 1—2, 20; D. 1494. L. 18; L. 20; D. 1495. L. 17—18, 19* [GARF-State archive of the Russian Federation. F. 5446. Op. 144. D. 1493. L. 1—2, 20; D. 1494. L. 18; L. 20; D. 1495. L. 17—18, 19]. (In Russ.).
- Gdlyan, T. Kh., Ivanov, N. V. (1996). *Kremlevskoye delo* [Kremlevskoe Delo]. Moskva: Gramota. 443 p. (In Russ.).
- «Golova u Chernenko ostavalas' svetloy» [“Chernenko’s Head remained light”] (2001). In: *Kommersant Vlast'* [Kommersant Power], 38: 42—45. (In Russ.).
- Gorbachev, M. S. (1995). *Zhizn' i reformy* [Life and reforms], 2 (1). Moskva: Novosti. 656 p. (In Russ.).
- Gromyko, A. A. (1988). *Pamyatnoye* [Memorable], 2. Moskva: Politizdat. 414 p. (In Russ.).
- Gromyko Anat., A. (1997). *Andrey Gromyko. V labirintakh Kremlya: Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko. In the labyrinths of the Kremlin: Memories and reflections of the son]. Moskva: Avtor. 257 p. (In Russ.).
- Dumachev, A. (29 dekabrya 1987). A lomat'-to legche ... Chto zhdet proftekhskholu [And it's easier to break ... What awaits the vocational school]. In: *Pravda* [Truth], 363. (In Russ.).
- Ivanov, N. V. (1995). *Sledovatel' iz provintsii* [Investigator from the province]. Sankt-Peterburg: Shans. 384 p. (In Russ.).
- Izvestiya* [Izvestia], 314. (1984). 9 noyabrya (In Russ.).
- Informatsionnoye soobshcheniye o Plenumе Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [Information message about the Plenum of the Communist party of the Soviet Union]. (1984). In: *Pravda* [Truth], 45. 14 fevralya. (In Russ.).
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 9-e izd* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 9-e ed], 14. (1987). Moskva: Politizdat. 638 p. (In Russ.).
- Ligachev, E. K. (1992). *Zagadka Gorbacheva* [The Riddle of Gorbachev]. Novosibirsk: Interbruk. 302 p. (In Russ.).
- Ligachev, E. K. (1999). *Predosterezheniye. Vospominaniya* [Warning. Memoirs]. Moskva: Gazeta «Pravda». 431 p. (In Russ.).
- Medvedev, V. A. (1994). *V komande Gorbacheva. Vzglyad iznutri* [In Gorbachevs team. View from the inside]. Moskva: Bylina. 239 p. (In Russ.).
- Postanovleniye Plenuma TsK KPSS [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU]. (1984). In: *Pravda* [Truth], 289. 24 oktyabrya. (In Russ.).
- Pribytkov, V. V. (2002). *Apparat. 390 dney i vsya zhizn' genseka Chernenko* [Apparatus. 390 days and the whole life of General Secretary Chernenko]. Moskva: Molodaya gvardiya. 194 p. (In Russ.).
- Rech G. V. Romanova [Speech of G. V. Romanov]. (1984). In: *Pravda* [Truth], 289. 15 oktyabrya. (In Russ.).
- Rech' tovarishcha K. U. Chernenko na Plenumе TsK KPSS 10 aprelya 1984 goda [Speech of comrade K. U. Chernenko at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on April 10, 1984]. (1984). In: *Pravda* [Truth], 102. 11 aprelya. (In Russ.).

- Ryzhkov, N. I. (1992). *Perestrojka: istoriya predatelstv* [Restructuring: history of betrayals]. Moskva: Novosti. 397 p. (In Russ.).
- Shatalin, S. S. (1998). *Prerванный dialog* [Interrupted dialogue]. Tver: Obl. kn.-zhurn. izd-vo. 287 p. (In Russ.).
- Solomentsev, M. S. (2011). *Zachistka v Politbyuro. Kak Gorbachev ubiral «vragov» perestrojki* [Cleaning in the Politburo. How Gorbachev removed the “enemies” of restructuring]. Moskva: Eksmo: Algoritm. 224 p. (In Russ.).
- TsGA SPB — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga. F. 5016. Op. 6. D. 785. L. 9* [TSGA SPB-Central state archive of Saint Petersburg]. (In Russ.).
- Vorotnikov, V. I. (1995). *A bylo eto tak ... Iz dnevnika chlena Politbyuro TsK KPSS* [And it was so ... From the diary of a member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU]. Moskva: Sovet veteranov knigoizdaniya: SLMAR. 473 p. (In Russ.).
- Zakharov, O. *Zapiski sekretarya trekh Gensekov* [Notes of the Secretary of the three General Secretaries]. (1993). In: *Glasnost'* [Publicity], 2. 14—20 yanvarya. (In Russ.).
- Zamyatin, L. M. (1995). *Gorbi i Meggi. Zapiski posla o dvukh izvestnykh politikakh — Mikhaile Gorbacheve i Margaret Tetcher* [Gorbi i Meggi. Ambassadors notes on two famous politicians — Mikhail Gorbachev and Margaret Thatcher]. Moskva: B. M.: B. I. 182 p. (In Russ.).
- Zhivoye tvorchesvo naroda. Doklad tovarishcha M. S. Gorbacheva* [Live creativity of the people. Report of comrade Mikhail Gorbachev]. (1984). In: *Pravda* [Truth], 346. 11 dekabrya. (In Russ.).

REFERENCES

- Kedrov, S. A. (2016). *Shchelokov*. Moskva: Molodaya gvardiya. 319 p. (In Russ.).
- Ostrovskiy, A. V. (2010). *Kto postavil Gorbacheva?* [Who put Gorbachev?]. Moskva: Eksmo: Algoritm. 544 p. (In Russ.).
- Pikhoya, R. G. (2007). *Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle voyny, 1945—1985* [Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945—1985]. Moskva: Rus'-Olimp: Astrel'. AST. 715 p. (In Russ.).
- Razzakov, F. I. (1996). *Bandity vremen sotsializma* [Bandits of the times of socialism]. Moskva: Eksmo. 515 p. (In Russ.).
- Shubin, A. V. (2001). *Ot «zastoya» k reformam. SSSR v 1917—1985 gg.* [From “stagnation” to reforms. In the USSR, 1917—1985 gg]. Moskva: ROSSPEN. 768 p. (In Russ.).
- Shubin, A. V. (2008). *Zolotaya osen' ili period zastoya* [Golden autumn or the period of stagnation]. Moskva: Veche. 348 p. (In Russ.).
- Volkogonov, D. A. (1995). *Sem' vozhd'ey: v 2 knigakh* [Seven leaders: in 2 books], 2. Moskva: Novosti 280 p. (In Russ.).
- Zemtsov, I. G. (1999). *Krakh epokhi: v 2 knigakh* [Collapse of the epoch: in 2 books], 2. Moskva: Nauka. 380 p. (In Russ.).